

УДК 13

Человек, природа и техника: оценка отношений и рисков в философской мысли

Лебедев Василий Сергеевич

vasieb11@mail.ru
SPIN-код: 9754-1671

ФГБОУ ВО Ивановский государственный университет, Иваново, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены аспекты взаимоотношения природы, человека и техники в контексте рисков неосознанного использования технических средств не только для использования природных ресурсов но и для самовыражения человека. В статье описаны взгляды на технику античных авторов и показана эволюция этих взглядов до немецкой философии первой половины XX века. В философском осмыслении проблемы трехсторонних отношений человека, природы и техники, человек не осознал различия результатов собственного познания и познания с помощью техники. Медиасреда, формирующая «техническую» картину мира становится фактором экстремального сознания, когда эта картина мира не совпадает с реальностью или когда технические средства познания мира приходят в негодность.

Ключевые слова: логос, техника, человек, осознание, кризис, алармизм, риск

Man, nature, and technology: assessment of relations and risks in philosophical thought

Lebedev Vasily S.

vasleb11@mail.ru
SPIN-code: 9754-1671

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

Abstract. The article examines the aspects of the relationship between nature, man, and technology in the context of the risks of unconscious use of technical means not only for the use of natural resources, but also for human self-expression. The article describes the views of ancient authors on technology and shows the evolution of these views up to the German philosophy of the first half of the 20th century. In the philosophical understanding of the problem of the tripartite relationship between man, nature, and technology, man has not realized the difference between the results of his own knowledge and knowledge obtained through technology. The media environment that forms a “technical” picture of the world becomes a factor of extreme consciousness when this picture of the world does not match reality or when the technical means of understanding the world become unusable.

Keywords: logos, technology, human, awareness, crisis, alarmism, risk

Введение. Философия техники — область знания, которая становится актуальной в начале XX века и не теряет своей актуальности до сих пор. Техника (от греческого «τέχνη» — искусство) подразумевалась в контексте человека и природы еще в античной философии. Так Аристотель писал о технике, как

о средстве организма, как о стремлении усовершенствовать человеческое тело в естественном для последнего процессе преобразования природы [2, с. 92]. Период античной (греческой) философии — это время, когда философия не выделялась из естествознания, как отдельный вид знания. Этот же период характерен пониманием техники как варианта естествознания [1, с. 334]. Человек здесь мыслился как часть природного бытия космоса, отделенного от него только логосом. При этом логос не есть отличие от космоса, а особые с ним отношения: человек собирает в своем бытии весь космос с помощью логоса [1, с. 337]. Однако, модерн стал отправной точкой к более широкому пониманию техники. От техники как продолжения природы, мы наблюдаем переход к технике противостоящей природной действительности. Искусство использования природы и обуздания ее сил для создания антропогенной среды обитания превратилось в искусство принципиального изменения материи природы [1, с. 335]. Изменение взгляда на технику проходило этапы обновления онтологического статуса *τέχνη* от идеи «самопорождения» к идее творения (обретение большей онтологической автономии), и наконец к пониманию *τέχνη* через телеологию человеческого бытия и существования [1, с. 343]. Такое принципиальное изменение роли техники в жизни человека поставило важные экзистенциальные проблемы. Да и само изменение роли техники в жизни человека сопровождалось катастрофическими событиями первой и второй мировых войн, которые были дополнены созданием атомной бомбы — оружия поставившего вопрос о дальнейшем существовании биосферы планеты.

Материалы и методы. Постановка проблемы приобретает антропологический и гуманитарный характер: вопрос не в том каковы истоки техники, а как мы, люди, стали принципом, в котором произвольно полагается отношение между природой и техникой [1, с. 343]. Ответ на этот вопрос кроется в катастрофических событиях первой половины XX века. В период развития науки и техники XIX века понимание техники смещается в сторону «второй природы», где основным концептом является «организация», которое полагает органическое как продукт некоей конструкции [1, с. 345]. Такое отношение к технике эпохи модерна отражается в становлении тоталитаризма и восприятии человека как «сырья» в соответствии с «грубой реальностью», где рациональность не является самоценной, но представляет из себя удобный инструмент. Иначе говоря, мы приходим к нарушению гуманистического отношения Канта — человек в технологическом обществе первой половины XX века стал не целью, а средством. Набирающая обороты уверенность в технологическом совершенстве завтрашнего дня породила сциентистский взгляд не только на сферу природы, но и на сферу человеческого. Этот сциентистский взгляд характеризуется резким дуализмом: или утверждение научно или — абсурд, не стоящий внимания [7]. Таким образом однозначность естественнонаучного знания, поставленная как эталон для знания гуманитарного, сформировало представление о технике — как о неизбежном благе, в отношении которого не допустимы никакие ограничения. Мир «второй природы» не терпит ничего кроме самого себя, навязывая механическую ло-

гику окружающему бытию через власть, которую он дает человеку. В терминологии античности техническое сведение космоса подменяет логическое. Техника становится новым логосом.

Результаты. Обозначенный дискурс выражен в закономерном вопросе: «что если высокие технологии современного мира, как и технологии доминирующие в прошлые эпохи, определяют опыт мира, доступный человеку, его способности непосредственного чувственного переживания этого мира?» [4, с. 138]. Действительно, есть ли разница между искусством восприятия и техникой в современном смысле слова? Не являются ли такие отношения угрозой целостности человеческого бытия?

Если посмотреть на упомянутые нами события, то именно развитие научно-технического прогресса ради эффективных военных действий показывали, насколько справедлив обратный процесс. Антигуманные ценности довоенного и межвоенного государства с характерной чертой этатизма в подчинении частного общей идеальной модели через объективизацию воспринимались на протяжении конца XIX — начала XX века как нечто естественное. Государство в своих основополагающих принципах иерархии воспринималось как часть природы человека.

В то время посылки к изменению этого взгляда раскрывались в сочинениях философов тех стран, где наиболее быстрыми темпами шел процесс модернизации экономики. В Германии процесс имел ярко выраженную милитаристскую направленность, что лишь обостряло вопрос отношений человека и техники. В период формирования Германской империи выходят работы Э. Каппа и К. Маркса. Так, Э. Капп полагал, что техника есть проекция органов человека в мир [6, с. 47]. В более позднее время в свет выходят «Человек и техника» (1931) Освальда Шпенглера, программная статья Ханса Фрайера «К философии техники» (1929), и «Формы знания и общество» Макса Шелера (1926). Немецкие философы видели в технике основу для культуры человека — выражение человеческой воли к овладению природой [4, с. 321]. Такое понимание привело к тому, что внешняя техника стала восприниматься как природа человека. На уровне политики логика восприятия та же — подмена логоса техникой была не замечена западной цивилизацией, и только гуманитарная катастрофа мирового масштаба заставила задуматься над субъектностью человека в отношении объективного мира и его собственного восприятия. Бытие снова стало не словесным выражением, а чем-то большим, чем-то трансцендентным.

Но как это сказалось на современном отношении человека и природы, человека и техники, и человека с человеком? Ужас войн, главной чертой которых была технологическая развитость армии, окончательно создал пропасть между механистическим пониманием техники и послевоенной философской мыслью. Стремительный экономический рост ряда стран после войны требовал и переосмысления ценности техники, а создание и испытание атомной и водородной бомб поставило вопрос об изменении облика общества и государства ради дальнейшего существования человечества. Пришло время «алармизма».

Указанный термин концептуально очерчивает мысль «Римского клуба» — организации молодых исследователей из Массачусетского технологического института, созданной с целью «оценки возможных последствий экспансии современных тенденций развития цивилизации в обозримой временной перспективе» [3, с. 32]. На заседании клуба был представлен принципиальный доклад — «Пределы роста», в котором молодой исследователь главным был тезис: «глобальная социоприродная система под технико-антропогенным воздействием, главным образом в процессе экономического и демографического роста, столкнется с актуальными трудностями в удовлетворении потребностей цивилизации в пределах временного интервала до примерно 2100 года» [3, с. 32]. Вопрос отношений человека и техники поднимаемый в контексте будущей гуманитарной катастрофы стал основой для рационального понимания опасностей постоянного и неосознанного развития техники. При этом интересно, что вывод о грядущей катастрофе был сделан на основе мировой статистики с помощью глобальной мировой модели, которую на тот момент могла воспроизвести ЭВМ в 1972 году [3, с. 32].

Несмотря на конструктивные предложения по недопущению грядущего коллапса, восприятие техники человеком, как области точного (и потому авторитетного) знания привело к настоящему шоку общественности [3, с. 32], что много говорит о неготовности разделять собственный логос и технику на уровне построения картины мира. Этот пример показал насколько много человек делегировал технике в конструировании картины мира. И эта техника преследует человека с того момента, как он научился «искусственно» фиксировать реальность, начиная с письма, создавшего историю и заканчивая современными технологиями, которые стали инструментами для создания медиасреды, в которую человек погружается все больше и больше [4, с. 146]. Человек научился конструировать реальность с помощью техники, выражая самого себя сначала искусством, а затем с помощью техники. Основная проблема в том, что техническое созидание оторвано от процесса сознания человека, иначе говоря — не осознается им. Человек, делегировал логике машины то, что предназначалось логике человеческой, логике субъективной. Технический процесс со своей логикой развития не осознавался как оторванный от человека и не мыслился в рамках человеческого. Опасность такого взгляда есть и в настоящий момент. Мотив эффективного управления исходил из понимания природы и человека как средства в техническом совершенствовании мира, а не как цели этого технического совершенствования. Потому до сих пор техническое совершенство не понимается в контексте тех рисков, которые были декламированы в «Пределах роста». И потому взаимоотношения человека, природы и техники в указанном контексте носит аксиологический характер.

Обсуждение результатов. Эта посылка приводит к ценностям, которые разворачиваются вокруг научно-технического прогресса. На первый взгляд, эта тема определена гуманистическими ценностями, но современные технологии показывают, что возможно не только физическое уничтожение человека через уничтожение природы, но и распад человеческого бытия.

Можно представить гипотетический путь обострения кризиса человеческого бытия начиная с неосознанности роли машины в определенном процессе. Иначе говоря, не суть важно сколько человек доверяет техническим средствам в процессе познания мира, важно, что он не осознает как именно происходит этот процесс. Человек может представить, как работает сложный процессор лишь обладая специальными техническими знаниями. При этом досконально представить все ошибки вычислительного процесса он не способен. Из этого следует, что современный человек вводит понятие «человеческий фактор» в группу факторов риска, но не воспринимает равным образом «технический» фактор риска. Особенно, если компьютер начинает выполнять сугубо гуманитарные задачи и берет на себя некоторые функции неформального мышления. Здесь сознание постепенно утрачивает континуальность: информация в виде образов редко собирается в концепт, поскольку сортировку и сборку осуществляет устройство. Иначе говоря, первый риск существования человека как “*sapiens*” — это утрата возможности концептуального мышления. В этом отношении мифическое и мифологическое сознание представляется нам максимально «целостным», что является уже другой крайностью.

В ценностном отношении техника стоит перед человеком в постоянном стремлении к двум полюсам: мифологизм мифа и мифологизм сциентизма. В обоих случаях сознание отказывается от «эмпирической» проверки самого себя. Воспринимаемая с помощью технических средств реальность предстает перед нами как теоретическая модель, как миф, в который мы верим так же, как в объективность вычислительных данных. «Технический логос» о котором выше идет речь предстает перед нами как сложная проблема доверия технике, модель которого должна строиться на доверии человеку. Первенство логоса человеческого над техническим должно не просто существовать, но и осознаваться непосредственно в момент пользования техникой.

Заключение. Таким образом, человек прошел долгий путь от осознанного преобразования мира к созданию технических средств, ставящих его творческие способности под вопрос. Проблема взаимоотношений природы, человека и техники — это проблема понимания человеком техники в мире природы и наоборот не только в перспективе, но и в настоящий момент. Наиболее важным в этих трехсторонних отношениях является выражение природы человека с помощью технических средств, где постоянная перепроверка осознанием является мерилем «человечности» техники и гарантом гармоничного развития всех указанных сторон.

Список источников

- [1] Блюменберг Х., Зеленский П.А., Боденко К.Б., Филатов П.К., Михайловский А.В. Отношение природы и техники как философская проблема. *Philosophy Journal of the Higher School of Economics*, 2022, т. 6 (3), с. 334–346. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2022-3-334-346>
- [2] Золотарева Т.А. Идея техники в Античности. *Гуманитарный вектор*, 2019, т. 14, № 2, с. 89–94. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2019-14-2-89-94>

- [3] Лось В.А. Тренды современной динамики цивилизации: от «пределов роста» к «устойчивому развитию». *Государственная служба*, 2022, т. 24, № 2, с. 31–37.
- [4] Очеретяный К.А. Делегированная перцепция: технические модификации чувственного переживания. *Философия науки и техники*, 2017, т. 22, № 1, с. 137–151. EDN: ZBNHPN
- [5] Ровенский З., Уёмов А., Уёмова Е. *Машина и мысль (философский очерк о кибернетике)*. Москва, Государственное издательство политической литературы, 1960, 141 с.
- [6] Терешкун О.Ф. Антропологическое осмысление техники (Э. Капп и П. Флоренский). *Приволжский научный вестник*, 2013, № 9 (25), с. 46–53.
- [7] *Технократия и тоталитаризм*. URL: <https://ru.brownstone.org/статьи/технократия-и-тоталитаризм/> (дата обращения 16.09.2025).